она противоречит многочисленным фактам истории русской культуры XVIII в. Вернемся, однако, к пропагандировавшейся Тредиаковским морали сервилизма.

В 50—90-е гг. различные проявления этой морали захватили десятки литераторов — стихотворцев, прозаиков, драматургов (В. Лукин и М. Чулков, М. Попов и М. Комаров, В. Рубан, А. Фрязиновский, В. Протопопов, Я. Белявский, Д. Дмитревский и мн. др.). Поэтика сервилизма, первоначально связанная почти исключительно с придворными сферами, затем распространилась вширь и охватила своей продукцией не только круги «вельможных меценатов», но и высокопоставленных священнослужителей (сохранилось изрядное число рукописных и печатных сборников, отдельных изданий стихов и речей, адресованных митрополитам, архиепископам, епископам), богатых заводчиков и купцов (характерный, но отнюдь не единственный пример — стихотворная продукция В. Рубана).[12] У этой поэтики были свои учебники, вроде «Politischer Redner» («Политический оратор», 1677) Хр. Вайзе, где доказывалось, что искусная лесть — важная и нужная наука, ибо «весь мир исполнен комплиментов»: «Цветы раскрываются утром, приветствуя восход солнца, своего повелителя, птицы в честь его начинают петь; железо движется, едва почувствовав влияние магнита» и т. д., — словом, «сама природа учит комплиментам».[13] Русские стихотворцы второй половины XVIII в. этого учебника, кажется, не читали, но сами принципы комплиментирования адресатов были весьма сходными. При этом подчас возникала очень любопытная «смесь античного с нижегородским», а то и библейским. Так, в стихах «Слеза, вылившаяся из сердца Музы при разлуке с Фебом» (1799) под Музой разумеется Коломенская семинария, а под Фебом — «преосвященнейший Афанасий, епископ Воронежский и Черкаский»; эта весьма чувствительная слеза (ведь «вылилась» она в годы засилья карамзинизма) пролилась по случаю «отбытия его преосвященства из города Коломны в Воронежскую епархию». Зато в стихах В. Рубана 1777 г. шведский король Густав III и фаворит Екатерины С. Г. Зорич сопоставляются соответственно с Илией и Елисеем, библейскими пророками. У того же Рубана другой фаворит императрицы П. А. Зубов становится «членом Военного приказа» (т. е. Военной коллегии), «которому и Марс послушен и Нептун», и т. д.

Вокруг отдельных «меценатов» складывались своеобразные «литературные кружки», точнее говоря — на этих меценатах существовали колонии «параситов» (поэтических нахлебников-блюдолизов). Примером такого явления может служить литературное окружение Дмитриева-Мамонова, охарактеризованное в публикации М. П. Лепехина «„Дворянин-философ“ в кругу почитателей»,[14] — название заведомо неточное, ибо, как явствует из со-

---

[12] *Гинзбург Лидия.* Неизданные стихотворения Рубана // XVIII век: Сб. статей и материалов. С. 411—432.

[13] См.: *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума. С. 26—27.

[14] См.: XVIII век. Сб. 14. С. 304—319.